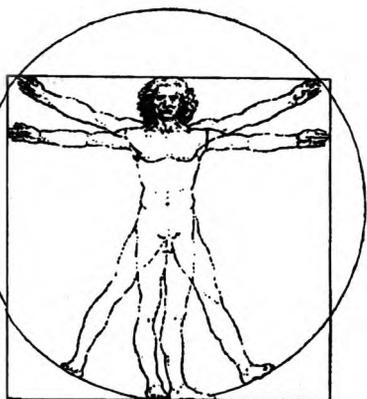

Рефлексия на себя и других: психологическая проза

Галина Вайгер

Мастерская сновидений, или Я вернусь к тебе на белом облаке

Благословлю тебя, родной,
Благословлю тебя молчаньем,
И ожиданием печальным
Рябины, пахнувшей вином...

Долго держалась за эту осень листва. Ветер бил нещадно по упругим телам деревьев, но они только прогибались под его волнами и цепко сохраняли свою верность маленьким, но скорчившимся уже листочкам. И не понятно было — зачем им это было нужно — скинули бы уже это былое украшение лета, да приукрасились белым пушистым снегом. Но значит что-то было в этой отходящей памяти: в пожелтевших жилках листа еще сохранялись капельки первых солнечных нитей, бурые стебли хранили осколочные воспоминания почек — разбухающих и столько всего сулящих... Этой последней мыслью, быть может, обогрели себя деревья остуженной осенью. И когда последний лист все же оторвался от истока своего и плюхнулся в грязь — все вдруг стало одинаково серым, как бесконечная дорога от земли в небо — без полутонов и лишних красок.

Сонечка наблюдала всю эту неторопливую, и, прямо скажем, утомительную смену пейзажей из окна своей палаты. Жизнь за окном была магическим зеркалом, в том смысле, что она без искажений, точно отражала то, что было внутри больницы, а далее — как в преломляющихся зеркалах, — в ее душе, а далее — в ее далском доме, оставленном, кажется, уже в другой какой-то жизни, но такой же серой, лишенной перемен, а главное — надежды на то, что когда-то все станет другим.

Изо дня в день она принимала свои лекарства, распаханные по пустым бутылкам с надписью ее фамилии; исправно просыпалась по призывному набату половника, а все остальное время — старалась спать.

Спать ей, правда, не удавалось, она долго всматривалась в серую даль, казалось, что кто-то просто одел серые жалюзи на окна, потом она вертелась в своих простынях, и закрывала всякий раз глаза, когда кто-то подходил к ее кровати — мы спим, — говорила она всем своим сопящим видом. А потом и вправду засыпала. Но спать ей не хотелось. Вернее так — ей ничего не оставалось, как только спать: думать о своем положении ей было невыносимо, звонить было некуда — дома не ждали ее звонков — и из редких, дежурных, на первых порах, они вообще прекратились со временем — там уже текла другая жизнь без нее, и даже редкие напоминания о ее былом присутствии, воспринимались болезненно когда-то близкими и любящими ее людьми. Она сначала читала, но все, что прочитывалось почему-то возвращало ее к ее боли — то ли похожестью ситуации, то ли по контрасту несовместимости с тем, что чувствовала она.

Говорить она ни с кем не хотела.

Всегда была балагуром и весельчаком, заводилой и оптимистом — она не могла вести средний образ жизни — жизнь либо была из нее ключом, либо замирала и останавливалась. Просто поддерживать пустой бабий разговор в палате, улыбаться или просто что-то обсуждать, например, что сегодняшней обед лучше вчерашнего, но завтра обязательно всунут какую-нибудь муть — не могла. Сил не хватало на нейтральность. Единственное, что она себе могла позволить — это вообще замолчать и тихо плакать, отвернувшись к стене. Мы спим. И ее не трогали.

На вопрос, который поступил в самом начале ее больничной жизни, она ответила, сухо представившись: «Меня зовут Соня». Врачи по имени ее никогда не звали, а только по фамилии окликали: «Байтюгова — на укол!» Так все и продолжалось.

Сначала над Соней подтрунивали, что, мол, имя ей это действительно очень подходит — спит как сурок 48 часов в сутки, вон отекла уже вся ото сна, — а потом и вовсе перестали обращать внимание — лежит себе что-то в углу — да посапывает.

А поезд набирал обороты и готов был, казалось, на лету врезаться в законную ночь, словно кануть в черную бездну и раствориться в ней, грохоча и отбивая последний свой марш. Она не знала, куда и зачем она едет, а лежала щекой на холодном стекле окна — и тихие тонкие струйки стека-

ли на руку, поддерживающую, ставшей вдруг очень тяжелой, голову.

- Мне не нужен ребенок. — Кричал он. — Ты, сама, что ли, не понимаешь — нам сейчас не нужен ребенок!
- Но уже ничего нельзя сделать!
- Надо раньше думать было! Жизнь не устроена, денег нет долги раздать — какой может быть ребенок! А потом — я просто устал, ты понимаешь? Даже если все уладится, я покоя хочу, а не криков по ночам, тебе не понятно это? А мой сценарий? Твоя кинопроба? В домохозяйки захотелось?
- Но...
- Ложись в больницу, пока еще не поздно!
- Но уже поздно!
- Поздно будет, когда он родится.
- Но...
- Я предупреждаю — это твой выбор — я уйду! Живите как хотите!

Он резко повернулся, казалось, пена гнева шла из глаз его и застилала взгляд: всегда такие добрые и понимающие его глаза вдруг стали чужими и ненавидящими. Он посмотрел на нее в упор и медленно, очень спокойно, хоть и громко произнес:

- Я не хочу от тебя ребенка. Дальше — выбирай сама!

Наверное, внутри человека тоже может течь кипяток. Он обжег ее. Испарина покрыла ее лоб и ладони. Как тянется звук в заезженной пластинке — так потянулось искажение изображения и голосов вокруг нее. Она медленно развернулась и сказала:

- Я не буду выбирать между лаской мужчины, пусть даже очень любимого, и жизнью ребенка.
- Тогда, — медленно прозвучала пленка и объект вплотную пододвинул к ней свое лицо. — Тогда я вообще ничего от тебя не хочу. Ни-че-го!

С тем же кипятком внутри и замедленными кадрами вокруг себя, она оделась, взяла оставшиеся деньги, лекарства и выбежала из дому. Что? Куда?

«Я не хочу от тебя ребенка!» — стучало у нее в ушах. — «Я вообще ничего от тебя не хочу!» — догоняло ее. Она шла, одной рукой широко размахивая, другой прижимая к себе свой животик, словно придерживала его, чтобы не отставал.

Идти некуда. Жить негде.

Остановись же! Остановись! Остынь! Подумай, что можно разумного сделать! Он это сгоряча наговорил! Ведь он так любит детей! Он и тебя любит — он просто устал! — но она

-
- не слышала этих слов внутри себя, она почти бежала к дороге. Такси.
- К вокзалу!
- Нет паспорта. И хорошо. Меня тоже нет. Не найдут значит.
- Вам куда?
- Какой отходит? Я без документов.
- Садитесь.
- И стук колес. И впрямую, а не по образу — в никуда — дорога в ночь. Что там?
- «Я люблю тебя! Что бы я ни делал, что бы ни говорил — ты только помни, что я все равно люблю тебя!» «Мне не нужна такая жена!» «Господи, какое счастье, что ты есть у меня!» «Я не хочу от тебя ребенка!»
- Она выскочила из поезда. На соседнем перроне стоял поезд в обратном направлении — к дому. Она постояла в нерешительности. «Я не нужна ему. Мы ему не нужны... Без нас... Пусть у него все будет без нас».
- Остановись! Подумай! — но она уже его не слышала. Она знала одно, что не переживет убийства своего ребенка. Это затмение кидало ее по темным чужим улицам грязного города. Она села в какую-то загородную электричку, затем испугалась и выскочила на станции. А потом совсем испугалась и поймала такси — до вокзала. А там — уже совсем уставшая, остывшая, сразу вдруг замерзшая и обмякшая, она остановила свой бег: перестали плыть голоса и лица. Там она успокоилась окончательно и подошла к кучке женщин у вокзала с табличками в руках «Ночлег. Комнаты».
- Мне нужна квартира на три дня, — сказала она.
- Квартир не сдаем.
- Тогда комната на тот же срок и чтобы меня не трогали все это время.
- Пойдемте.
- Ночь. Грязь. Узкие улицы. Дождь откуда-то взявшийся с неба — как с жирной сковородки стекали грязные липкие капли. Комната убогая в узкой системе коммунальных коридоров. Кровать. Кресло. Окно. Шкаф.
- Спокойной ночи. — Дверь закрывает рыхлая дама, вероятно, даже молодая, но очень оплывшая.
- Не будите меня. Вот вам деньги за три дня. Я не спала неделю — не будите, сколько бы не прошло времени.
- Хорошо. — Рыхлая рука берет деньги. Лицо улыбается. — Спице на здоровье. Ванну не примете?
- Приму.
- Она спокойно идет по коридору, пропахшему кошками, в ванную, отделенную от кухни фанерными щитами с плаката-

ми популярной зубной пасты и витаминов. Закрывает дверь. Раздевается.

«Через месяц ты уже можешь родиться живым, малыш. Я бы тебя купала в маленькой ванночке. Мы бы целовали твои шелушащиеся ладошки. А теперь...» — она громче включила кран, чтобы не слышен был ее всхлип. И беззвучные слезы под шипение старого душа падали на ее круглый живот. Она распечатала все таблетки. Запила струей из под душа, даже не подумав переключить на кран, для удобства. «Прости меня, мой мальчик. Я слишком слаба. Я не смогу тебя поднять одна. И убить не могу. Все, что я могу сделать — это не оставить тебя одного. Прости меня».

Она медленно вылезла из ванны, не выключив крана. Обтерлась полотенцем, нежно промокнув живот, и, замотавшись в простынь, вышла в коридор. Хорошо, что коридор узкий. Хорошо, что свет не включен. На ощупь она дошла до купленного sklepa и погрузилась в сон. Хозяйка где-то ворчала, что течет вода и сыро в ванной. Но это было уже в другой жизни.

Поезд стучал, как кровь в висках, больно проталкивая жизнь по ее руслу — неумолимо и без остановок.

Она не помнит как ее разбудили, как мило попрощалась с хозяйкой. Та, масляно улыбаясь, сказала ей:

— Будете в нашем городе, заходите. Вы самый тихий мой квартирант.

Она дошла до поезда. Все как накануне: деньги — место — поезд — сон.

Почему она проснулась? Не должна была. Она соскочила, руку прижала к животу — малыш шевелился. Жив!

Куда теперь? Домой? А дома что? Что дома? «Я не хочу от тебя ребенка! Я не хочу от тебя... Я не хочу...»

Сонечка не спала. Она прижималась лбом к холодной желтой стенке, обнимая свой животик и слушала, как щебечут соседки: кто кого и как родил. Ее не раздражали эти разговоры. Только сначала было больно слышать об их радостях и надеждах, особенно о том, как счастливы отцы, как ждут их семьи, а потом она стала радоваться за них, но тихо так, ничем не проявляя своего участия.

Повернувшись к стене, она оценивала свою жизнь, вспоминала, как вернулась домой, как сказал ей любимый:

— Если бы ты не совершила этого мерзкого поступка — все еще могло быть.

— Но ты говорил...

-
- Мало ли что я говорил! Я любил тебя!
 - А сейчас? — в глазах ее застывший ужас и ожидание.
 - Я три дня искал тебя по моргам и больницам. Ты не должна была так поступить!
 - Но...
 - Я похоронил тебя. Понимаешь? Ту, которую я так любил, я оплакал и похоронил!
 - Извини, что не умерла.
 - Это преступление против Бога! Ты, что, действительно, не понимаешь этого? Я могу быть кем угодно. Любим негодяем! Но ты-то как могла пойти на это? Ты — мать! Как ты могла? Уйди от меня, воспитай сама, не общайся со мной, раз я такой — но самоубийство!
- Она молчала. Как ей было объяснить, что она чувствует свою вину, что не знает как не смогла погасить в себе этого безумия, а главное — как ему сказать, что она так полна своей любовью к нему, что не нашла сил жить без него. Что при огромном количестве аборт — именно на этого не поднялась у нее рука. Почему?
- Она не знает. Как ему объяснить? Она не сваливает вину, она принимает все, что сделала. Только в тот момент не было у нее сил остановиться.
- И каялась она так каждый день, лежа в постели и принимала вину, и просила прощение у Господа, у своего сына и у него — того, кому она уже была не нужна.
- Самым страшным оказалось даже не то, что уже случилось, а то, что должно было произойти. Придя в роддом, она попросила обследовать себя более тщательно, боясь за последствия своего путешествия: ребенок был жив, но здоров ли? И ей пошли навстречу. То, что показало предварительное обследование — подкосило ее окончательно.
- Как протекала беременность?
 - Очень беспокойно.
 - Меня интересует первые месяцы. Условия жизни, ваше состояние...
 - А последние месяцы важны?
 - Ребенок формируется до 12 недель — это главный этап, а там как сложится...
 - Михаил Игоревич, а почему вы спрашиваете? Что-то не так?
 - Видишь ли, дорогая, мы с тобой пока не будем говорить о плохом. Сделаем сейчас анализ, возьмем кровь из пуповинки ребенка и если хромосомы в порядке — значит со всем остальным ты справишься.
- Экран монитора выдавал космические пейзажи, звуки были такого же порядка. Как замороженная Сонечка смотрела на эту рождающуюся вселенную.

— Что это?

Врач улыбнулся.

Это — его головка. А вот это — ручка.

Разглядеть, а тем более понять ничего было нельзя — сходились и расходились частички, словно песчаные вихри, проплывали пузырьки какой-то жидкости, что-то шевелилось и постоянно видоизменялось.

— Рождение мира.

— Что? — спросил он.

— Настоящее рождение мира. Все заново, по клеточке, весь цикл всех предыдущих жизней, вся эволюция, даже та, что неведома нам пока... — все повторяется в нем сейчас.

— Батенька, да вы философ?

— Но неужели все это может погибнуть? Какой-то лишний хромосом, лишний кубик — и все рухнет?

— Давай не будем опережать события. Ладно?

— Вы понимаете, я все отдала за этого ребенка. Он не может...

— Все, Сонечка, все. Мы договорились не думать о плохом. Кто говорил, что мы творим словом? — Он помог ей подняться и очень участливо на нее посмотрел. — Все зависит от тебя. Иди.

Она вышла в коридор. Дошла до палаты и заснула.

Сон был беспокойный. Летающие кубики, воронки, вытягивающие в себя и выворачивающие пространства наизнанку. Потом вдруг — белая гладь, как чистый лист и слова: громкие и четкие. Мы можем творить мыслью. Ты все можешь сама».

Она присела на кровати. Да. Действительно. Она совсем забыла об этом. Творить словом. Мыслью. Она даже улыбнулась. Но вдруг тяжелое: «Я не хочу от тебя ребенка!» Слезы брызнули у нее из глаз, она почувствовала резкую боль, словно получила удар по животу. «Я проклиная тебя!» — вспомнила она.

«Ты не понимаешь, что делал, — шептала она, — я тоже не понимала, что говорила тебе. Гадость и грязь какая-то. Все могло быть по-другому. Я виновата. Нужно было по-другому. Но, может быть, еще можно?»

Она опять села на кровати. Палата была пуста. Она громко сказала и очень четко: «У меня все будет хорошо».

«Действительно, — думала она, — результат будет только через неделю. Все еще можно изменить. Мысль — самая сильная субстанция. Она разрушает. Она же и рождает. У меня все будет хорошо». Она закрылась одеялом и закрыла глаза.

О чем могла думать Сонечка? О том, что не согласна с крушением своего мира. О том, что она очень любит своего

мужа. О том, что этой ошибки, этого непонимания могло бы и не быть, если бы у нее хватило сил и слов все объяснить. Она сначала вымаливала себе право все начать сначала, а потом поняла, что это право есть у нее изначально. А вот права все закончить, как пыталась, было сделать она — у нее нет: никогда и ни при каких обстоятельствах.

Голубой шар развернулся перед ней пространством принимающей любви. В этом пространстве она могла выстраивать любые образы. И она увидела — сначала лучистые глаза мужа. «Я люблю тебя» — говорил он. Потом она увидела белые токи, идущие от себя к нему — это заново выстраивалась их прерванная связь. Он обнимал ее, проникая в нее каждой клеточкой своего существа, погружался в нее; она упоительно дышала его дыханием, отдавая ему свое; руки его обнимали сразу все ее тело — и в этом коконе их сплетения, переливались белые сверкающие нити: они шли от нее, и расширялись в пространстве. «Что это?» — «Это пространство моей любви». И как в люльке, как в паутинке серебряных нитей, повис между ними на уровне двух сердец маленький ребенок. «Что это?» — «Это наш сын. Дай ему родиться, пожалуйста!» Широкая ладонь мужчины бережно взяла ребенка от своей груди и положила его на плоский красивый живот женщины — линии его стали округляться, впадинки у пупка превратились в упругий холмик, животик увеличился до размеров мяча и заиграл своими круглыми боками — шевеление и движение радостно фонтировали голубым сиянием. И над всем этим звучал счастливый смех двоих.

«Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя», — она открыла глаза. Было утро. Ясное. Солнечное. На голубом, словно весеннем небе проплывало огромное белое облако. «Это моя материализовавшаяся мысль, посланная к тебе. Я хочу, чтобы все у тебя было хорошо. Я желаю нам счастья. Но даже если «нас» не будет — я все равно желаю счастья тебе. Прости, за то, что я сделала с нами. Прости, что не сберегла нас. Но если, что-то все же можно исправить — я постараюсь. Я хочу, чтобы ты был. Просто был. Пусть даже без меня. И был счастлив. Я люблю тебя».

Она закрыла глаза и первый раз заплакала не слезами отчаяния, а надежды.

Ночью ей снился сон.

Она стояла перед крутой ледяной горой. Пытаясь взобраться и одолеть ее, она все время скатывалась вниз. Вдруг появился красивый старик с собакой на поводке.

— Не бойся, — сказал он. — Сразу гору не одолеть — нужно постепенно.

И она стала пытаться. Нужно было только закинуть повыше ногу и подтянуться на руках — снег оказывался рыхлым и под ним находились деревянные ступени. Она опиралась на одну ступень, опять забрасывала ногу, расчищала снег — и вновь подтягивалась к ступеньке — и так до самого верха. А там, на верху, — очень маленькая площадка и четыре склона — один, по которому ей довелось подняться.

— Что же теперь? — Растерялась она.

— Спуск. — Старик улыбнулся. Это было поседевшее, но все такое же прекрасное Его лицо.

— Это ты?

— Может быть. Не стой на ветру — замерзнешь. — И он начал спускаться.

— Постой! — ей жалко стало сил, потраченных на подъем.

— У тебя есть три склона — сходи по любому.

— Зачем?

— А как тогда ты одолеешь вон те горы? — и она увидела горную цепь, которая тянулась так далеко, как только можно было увидеть. — Надо идти. Все время надо идти.

— Как?

— Дорога подскажет.

Она открыла глаза. Чувство тревоги было ее пробуждением. Руки и ноги болели как после реального подъема.

«Все время идти? Дорога подскажет?»

Но это все равно лучше, чем отчаяние, подумала она и посмотрела в окно. Погода устанавливалась вопреки всем прогнозам. Но в этот раз ей было труднее собрать свои мысли и направить их в добром и нужном направлении.

Она постоянно думала о дороге, о бесконечном белом пути. Но тут она вдруг поняла — даже присела на кровати — ведь она идет не одна. Он рядом. Она может выбрать любой склон. И тот, по которому спускался он.

«Мы будем вместе. Дорога изменит нас обоих — и мы освободимся от своих обид, плохих мыслей, несправедливости друг к другу — мы все оставим позади. Мы вместе пройдем наш путь. Или в одном направлении».

Чистые облако над Землей вобрало ее мысли и неторопливо, осторожно, как величайшую ценность, понесло вдаль. Когда облако скрылось за серой стеной родильного дома, она счастливо завернулась в свое теплое одеяло и постаралась вернуться в свою мастерскую.

А в мастерской между тем работа шла своим ходом: раздувались меха, ковалась благая мысль, жерло вулкана переплавляло жизненные ситуации, очищая их в своем горни-

ле и переосмысливая... Копоть несовершенных и неумелых творений оседала на стенах, — и над всем этим — тончайшей белой струйкой зависал парок, который обязательно уплотнится в сияющее облако — облако ее хороших мыслей, надежд, веры в настоящее и — тихую молитву — за дом, родных и чужих, эту Землю...

Она стояла у большого сверкающего окна и смотрела вдаль — неимоверной глубины лазурь неба — переходила в синь океана. Она почему-то точно знала, что эта широкая полоса между лесными холмами — океан. Может быть, это был залив, который вливался в океан, может — лагуна... Но что океан, она знала точно. Краски были ослепительными — и солнце, и зелень трав... Она посмотрела вниз — на песчаный берег выскакивали из воды морские котики, прыгали дельфины, киты у берегов били свои фонтаны — ... и детвора... Детей было так много, что казалось — взрослых вообще не существует. Посреди канала стоял пароход: что-то на нем тоже было, то ли большая карусель, то ли замысловатый, каскадами фонтан... Легкость и радость разлиты в пространстве...

И что самое удивительное, она знала это место. Она его узнавала. И эти зеленые берега, и песчаную дорожку у воды, и эти водные фейерверки. Это был уже обитаемый кусок ее скрытой жизни. Как бывает часто, во снах, вдруг узнается город — тот которого нет, скорее всего, на карте. Или дом — у нее есть такой дом в несколько этажей — деревянная полуизбушка, где она знает, где что лежит, как куда-то пройти.

Пространство снов смыкается в единое, кроясь из лоскутков редких, но памятных сновидений. И это то место, откуда можно творить и совершенствовать, чеканить — другое пространство, которое мы почему-то заносчиво называем явью. Вот там, успокоив бури своих чувств, что-то в этой яви можно поменять. Задать другой вектор своим мыслям и событиям.

Она спустилась вниз. Прошла по берегу. Среди светлых лиц детей — увидела своих сыновей — она узнала их — те, которые должны были родиться. Они стояли по обе стороны от отца, у которого в рюкзачке, на уровне сердца — висел совсем крошечный мальчик. Он был такой черноволосяй, лохматый и взъерошенный, а сморщенные шелушащиеся ручки так малы — что она сразу поняла — это тот ее сын, которого она ждет сейчас. Эта крохотная обезьянка в разноцветных ползунках, бойко колотила ножками и радостно подпрыгивала. Две руки мужа поддерживали его.

Сонечка из пространства сна, осознавая, что стоит на стыке

двух реальностей, подошла к ним, обхватила руками и произнесла: «Я счастлива, что вы у меня есть». Потом перевела взгляд на малыша и потрепала его по крохотной ножке, ползунок был ему велик и оттянутая пустая штанишка так и осталась висеть у ремня рюкзака — на уровне пояса. День занимался солнечным. Зима прошла незамеченной Соней — под одеялом. В палату вошел генетик Михаил Игоревич.

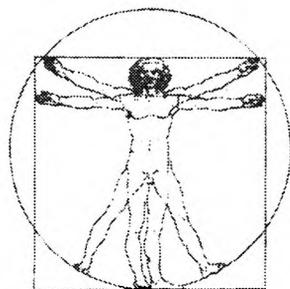
- Ну что? Небось испереживалась вся? — Соня улыбнулась ему.
- Не волнуйся. Все хорошо с твоим ребенком. Теперь все зависит от тебя. Собирайся домой. — Он очень хитро ей подмигнул, не удивляясь ее спокойной радости, словно бы тоже знал, что и все что будет, и все что было и есть — зависит только от нас.

Она вышла на улицу. Снег стекал, пока еще бесшумными ручейками. Было свежо и знобко. Подняв воротник, она осторожно засемила к автобусной остановке.

— Соня!

Она обернулась. Из машины на нее смотрели родные и любимые глаза.

- Садись. Очень скользко — скоро дождь пойдет. Она подняла голову — огромное белое облако, словно крылом покрывало все небо, защищая его от не созревших серых мыслей, обид и ошибок.

*рефлексия
на себя и других*
